

Евгений Маурин

Шах королеве

Евгений Маурин

Шах королеве

«Public Domain»

1914

Маурин Е. И.

Шах королеве / Е. И. Маурин — «Public Domain», 1914

«Заходящее солнце еще золотило вершины старых деревьев, но внизу, на дорожках векового парка, уже расправлял свои бархатные крылья ясный, теплый весенний вечер. И в этой прозрачной влажной полутьме все – и звуки, и формы – смягчалось, представляясь окутанным грезовой поэтической дымкой. Таинственно темнели недра аллеи, словно уходя в неизвестную бесконечность, мохнатые дуплистые стволы деревьев казались добродушными чудищами, замороженными на день и теперь оживающими, а раздражающий шум бойкой городской жизни, врезываясь в насыщенную запахом травы и влажной листвы атмосферу парка, смягчался и казался ласковым шумом прибоя далекого моря...»

© Маурин Е. И., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	12
III	21
IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Маурин

Шах королеве

Часть первая

I

Заходящее солнце еще золотило вершины старых деревьев, но внизу, на дорожках векового парка, уже расправлял свои бархатные крылья ясный, теплый весенний вечер. И в этой прозрачной влажной полутьме все – и звуки, и формы – смягчалось, представляясь окутанным грезовой поэтической дымкой. Таинственно темнели недра аллеи, словно уходя в безвестную бесконечность, мохнатые дуплистые стволы деревьев казались добродушными чудищами, замороженными на день и теперь оживающими, а раздражающий шум бойкой городской жизни, врезываясь в насыщенную запахом травы и влажной листвы атмосферу парка, смягчался и казался ласковым шумом прибоя далекого моря.

Невдалеке от массивной кованой решетки парка, где было еще почти совсем светло, на широкой скамье расположилась живописная группа молодых нарядных девушек, состоявших при ее высочестве герцогине Орлеанской Генриетте.

Эти девушки со слегка насмешливым любопытством окружили «новенькую» – умеренно высокую, стройную, гибкую провинциалочку с чудными космами золотисто-белокурых волос и громадными голубыми глазами, с наивным любопытством глядевшими на новый для нее мир.

Луиза де Лавальер, как звали «новенькую», всего только две недели, как прибыла ко двору герцогини из родной Турени.

Нерадостно встретил Париж юную провинциалку. Сама герцогиня почему-то сразу не полюбила застенчивую Луизу и без обиняков дала ей понять, что не отсылает ее домой лишь ради услуг, оказанных отчимом Луизы, маркизом де Сэн-При, Орлеанскому дому. Холодность герцогини повлияла и на отношение к новенькой ее подруг. Никто не делал попыток помочь неопытной провинциалке освоиться с чуждой для нее жизнью, и только веселая, добрая д'Артиньи приняла некоторое участие в Луизе. Однако и эта добрая душа вскоре сообщила товаркам, что новенькая – или лицемерка, или бесконечная дурочка, не понимающая самых простых вещей. В скором времени все фрейлины Генриетты Английской со смехом передавали друг другу рассказы о новой смешной выходке или нелепой мысли, высказанной «неотесанной пастушкой из Турени». И вот теперь, воспользовавшись случайно выпавшим на их долю вечером полной свободы, жадные до проказ и насмешек девицы окружили Луизу де Лавальер, с насмешливым любопытством прислушиваясь к тому, что в ответ на их беглые вопросы рассказывала «пастушка из Турени» своим на удивление звучным, мелодичным голосом.

Когда Лавальер снова ударилась в сентиментальное описание идиллических красот родного замка, ее перебила полная, рослая красавица де Пон, первая скрипка в оркестре насмешниц двора герцогини Орлеанской:

– Итак, ты говоришь, что соседей у вас там было немного? Значит, тебе было довольно скучно там, у себя?

– О! Скучно в Лавальере? – почти с негодованием воскликнула молоденькая провинциалка. – Видно, что все вы ни разу не бывали на моей милой родине! Конечно, в зимние месяцы приходилось по большей части сидеть в комнатах, но ведь зима недолга у нас, в Турени! А весной, летом и осенью разве может явиться мысль о скуке?

– Значит, вы давали приемы и вечера исключительно в теплое время года? – спросила де Шимероль.

– Вечера? Приемы? – с очаровательной улыбкой повторила Луиза. – О, нет, этого у нас не бывало! Конечно, раза два в год у нас собирались ближайшие друзья и родственники, но назвать эти съезды приемами... Нет, милая Тереза, для приемов мы были слишком бедны! Я ведь – не одна, у меня еще есть взрослая сестра и брат-офицер.

Девушки насмешливо переглянулись при этом признании, а д'Артиньи с дружеской досадливостью передернула плечами: ведь бедность уже сама по себе была несчастьем, граничащим с пороком, а открыто и без нужды признаваться в нищете – нет, это было или самым непростительным цинизмом, или непроходимой глупостью! Ведь и все эти юные насмешницы тоже не могли похвастать достатком, на придворную службу их тоже толкнуло желание найти в Париже ту подходящую рамку для своей юности и красоты, которую не могли им доставить в провинции обедневшие родители. Но все они предпочли бы любой позор, чем открыто признаться в этом! Наоборот, в часы досуга они наперебой хвастали друг перед другом роскошью, весельем и разнообразием жизни в родных замках, заменяя горделивым вымыслом убогую действительность!

Тем временем Луиза, на мгновение унесшаяся в мечтах к своим близким, продолжала:

– А сверх того разве истинное удовольствие и истинная радость в таких нарядных роскошных празднествах, которыми так богата здешняя жизнь? Полно вам! Посмотрите, как после сбора винограда танцуют наши крестьяне кипучую гальярду, каким искренним весельем сверкают их глаза, как развеваются в веселом круженье волосы женщин и как задорно прищелкивают о землю деревянные подошвы их сабо!¹ О, посмотрите только на гальярду, и вам сразу станет бесконечно скучно при одном только взгляде на чинный и мертвый менуэт, которым теперь так увлекаетесь вы все! Но разве в одних танцах там дело? Ах, как хорошо бывало выбежать под вечер за ворота замка и углубиться в далекое поле, навстречу возвращающимся стадам! Еще издали слышишь заунывно-ласковый напев пастушеской свирели и бодрое пощелкивание бича. Вот все ближе и ближе придвигается облако клубящейся пыли, из которой малопомалу вырисовывается сначала мелкий скот, затем более крупный, рогатый. Где найдешь, где увидишь все это в вашем душном, чинном, замороженном Париже?

– Ну, милая моя, – заметила де Пон, – чего-чего, а уж рогатого скота в Париже, особенно при дворе, сколько угодно!

Луиза с наивным удивлением посмотрела на подруг, ответившим взрывом дружного смеха на это замечание, и, к их величайшему удовольствию, отозвалась:

– Неужели? Как жаль, что мне вовсе не пришлось видеть это!

– Ну, да! Ведь самый матерый представитель этого вида почти все время находится в отъезде! – кинула сквозь зубы смуглая брюнетка де Воклюз, у которой были свои счеты с тем, кого она имела в виду под этим непочтительным эпитетом.

– Впрочем, – продолжала Лавальер, – по правде сказать, я не очень-то долюбивала коров и быков. Зато барашки и овцы были моей слабостью! Я иногда даже сама пасла их! Ах, как хорошо было надеть широкополую соломенную шляпу, вооружиться крючковатым посохом и усесться с томиком Ронсара² на зеленом холмике среди кротких и послушных барашков! Вот этого удовольствия вы не знаете, этих тихих радостей я совершенно лишена здесь!

– О, да! – сентиментально закатывая глаза, сказала Мари де Руазель, чистокровная парижанка, никогда даже издали не видавшая настоящей деревни. – В сельской жизни столько красоты и поэзии!

¹ Деревянные башмаки, или грубые кожаные на деревянной подошве. (Здесь и далее сноски печатаются в авторской редакции. – Изд.)

² Пьер де Ронсар (1524–1583) – глава школы французского ложноклассицизма и отец французской пасторали.

– Напрасно ты заранее отчаиваешься, дочь моя! – покровительственно произнесла де Пон. – Ты достаточно милостива, не лишена некоторой грации, обладаешь вкрадчивым голосом и томным взглядом. И стоит тебе только поумнеть да отбросить излишний провинциализм, как при нашем дворе недостатка в покладистых барашках не будет! Все они с восторгом лягут у твоих ног, и тебе нетрудно будет управлять ими не только без посоха, а просто одним движением своих длинных ресниц!

– Да, но для этого надо поумнеть, – отозвалась Воклюз, презрительно прищуривая недобрые глаза в сторону Луизы, – а для этого мало одного доброго желанья!

Луиза хотела что-то сказать, но в этот момент внимание всех привлек шум копыт быстро скачущей лошади. Девушки кинулись к самой решетке и увидели, как мимо них быстро промчался какой-то всадник. Они успели заметить только, что всадник был еще молод и одет в скромный дорожный костюм; он быстро-быстро промелькнул перед их глазами, и вскоре стук копыт его лошади сразу оборвался за углом.

– Это к нам! – воскликнула Шимероль. – Кто бы это мог быть?

– Ну, мало ли кто! – лениво отозвалась Руазель, возвращаясь на старое место. – К ее высочеству то и дело прибывали курьеры от брата, английского короля! И так, Луиза, – обратилась она снова к Лавальер, – ты сама пасла стада у себя на родине? Значит, ты пережила на самом деле все то что так красиво и заманчиво описывают поэты? Счастливая!

– Ну, «все» она едва ли пережила! – насмешливо отозвалась Воклюз и прибавила сквозь зубы: – Для этого наша «пастушка» – слишком глупенькая гусыня!

– Что ты подразумеваешь под этим «все», Мари? – звучным грудным голосом спросила Лавальер.

– Но... ведь... – несколько замялась Руазель. – Вспомни Жана де Мэрэ, Шаплэна, Лодэна.³ При пастушке в пасторали всегда состоит молодой, красивый пастушок, который оберегает ее, ухаживает за ней, ловит на лету все ее желанья, говорит с ней о любви и возвышенных мыслях. Ну... и... вообще... пастушок ублажает пастушку всем, чем может.

– Нет, моя добрая Мари, тут уже я должна разочаровать тебя! – с чарующей улыбкой ответила Луиза. – Пастушка при мне никакого не состояло, о любви и возвышенных чувствах мне говорил лишь мой старый, испытанный друг – томик Ронсара. Что же касается охраны и разных услуг, которые обязан оказывать даме приятный кавалер, то их мне по мере сил и возможности оказывал Нарцисс, мой верный, преданный пес!

– И... с успехом? – с притворным любопытством осведомилась де Воклюз.

Луиза с искренним изумлением посмотрела на подруг, которые пришли в неистовое веселье от вопроса Воклюз и особенно от тона, которым он был сделан.

Но она не успела осведомиться о причине непонятного ей смеха, как сзади, из-за решетки, послышался звучный мужской голос.

– Приветствую вас, прекрасные девицы, и искренне сожалею, что должен прервать на мгновение ваше веселье смиреннейшей просьбой!

Девушки обернулись. У решетки, держа на поводу лошадь, стоял всадник, незадолго перед тем пронесшийся мимо них.

Теперь быстрые девичьи глазки сразу разглядели, что незнакомец был еще моложе и одет еще беднее, чем им показалось с первого мимолетного взгляда. Действительно, на большой, порыжелой от времени и непогод широкополой шляпе не было ни пышного пера, ни пряжки; кожаный камзол носил следы неоднократной чинки, а ноги были обуты в неуклюжие ботфорты деревенской работы. Эту бедность костюма незнакомца еще ярче оттеняла выглядывавшая из-за пояса рукоятка шпаги старинной чеканной работы с тремя небольшими лилиями, края которых были отненены мелкими бриллиантами.

³ Поэты школы Ронсара.

Зато лицо юноши могло заставить забыть о костюме. Худощавое, с тонкими чертами, с тем особенным оливковым загаром, по которому сразу узнаешь гасконца, с веселыми, умными глазами, оно было полно энергии и силы. И волнистые иссиня-черные волосы, прихотливым руном ниспадавшие из-под шляпы, казались лучшей рамкой для нежного и мужественного лица незнакомца.

Некоторое время девушки молча разглядывали приезжего, затем де Пон, стараясь говорить как можно надменнее, обратилась к нему с вопросом:

– Чем можем мы служить вам? Изложите вашу просьбу!

– Да, это легко сказать – «изложите», – смеясь отозвался юноша. – Поручение, данное мне, не из тех, о которых кричат на улице! Но как быть? Я не вижу нигде поблизости ни калитки, ни ворот, а между тем время не терпит! Впрочем, это препятствие еще не так велико! – и, быстро привязав лошадь поводьями к колонке решетки, незнакомец одним движением перемахнул через ограду, перекинувшись в парк, словно акробат на трапеции.

Девушки невольно вскрикнули от испуга, а де Пон, объятая священным негодованием, возмущенно крикнула:

– Эй, вы! Что это за выходка? Да знаете ли вы, где вы находитесь?

– Знаю, знаю, моя красавица, – не смущаясь, ответил юноша. – Я нахожусь во дворце его высочества герцога Орлеанского перед благородными девицами, имеющими счастье служить ее высочеству герцогине и не уступающими в красоте, благородстве и изяществе древним грациям, с той только разницей, что граций было всего три, вас же, к чести и славе Франции, несравненно больше. Разрешите представиться вам, прекрасные девицы! Я – Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк, к вашим услугам! – и юноша, сняв шляпу, отвесил посмеивавшимся фрейлинам самый изысканный поклон, какой сделал бы честь любому придворному щеголю.

– Герцог д'Арк? – подхватила язвительная де Воклюз, выступая вперед и делая Бретвилью жеманный реверанс. – Скажите, ваша светлость, не потомок ли вы высокочтимой Жанны д'Арк?

Ренэ строго, укоризненно посмотрел на девушку и сдержанно ответил:

– Извиняюсь, высокородная девица, если я, вопреки обязанностям кавалера, не подхватчу на лету вашей шутки, которую вы кинули мне с необдуманностью, весьма понятной для вашего возраста. Но я слишком чту высокую и прелестную память этой девственницы, – юноша выразительно подчеркнул последнее слово, – чтобы легкомысленно шутить со слишком дорогим сердцу всякого истинного француза именем! Сан герцога д'Арк получил мой дед от блаженной памяти короля Генриха Четвертого в 1589 году, на поле сражения при Арк-Батайле, и с тех пор старший из представителей рода маркизов де Тарб прибавляет к своему имени еще и этот почетный титул! Однако, – продолжал он, обращаясь к де Поль, в то время как смущенная Воклюз юркнула за спину подруги, – позвольте мне изложить вам, как первой приветствовавшей меня здесь, свою просьбу. Проездом через Рамбулье я встретил одно высокопоставленное лицо – назвать его имя я не уполномочен: оно дало мне важное и спешное поручение к ее высочеству герцогине. Это лицо предупредило меня, что поручение должно быть передано до заката солнца сегодняшнего дня и что всякое промедление в исполнении его может вызвать бесконечно неприятные последствия для некоторых высоких особ. Побеждая многие непредвиденные препятствия, я с радостью въезжал в Париж, сознавая, что срок, данный мне, еще не истек. Однако самое главное препятствие оказалось впереди: меня не пропустили к ее высочеству и отказались даже доложить обо мне. На мои настойчивые просьбы мне было отвечено, что никто не решится побеспокоить в этот момент ее высочество, и что доложить о ком бы то ни было рискнет разве кто-либо из состоящих при ее высочестве фрейлин. Поэтому я и явился сюда, чтобы успеть до захода солнца исполнить свое поручение с вашей любезной помощью!

– К сожалению, мы ничем не можем помочь вам, – с прежней холодной надменностью ответила де Пон. – Ее высочество играет в шахматы!

– В шахматы? – воскликнул Ренэ. – Клянусь Марсом и Кипридой, это весьма почтенная и разумная забава, но ведь в конце концов – только забава, которая не может помешать ее высочеству принять курьера с важным поручением, так что вы, конечно, все-таки не откажетесь доложить обо мне!

– Ее высочество играет в шахматы! – ответила де Пон, небрежно пожимая плечами.

– Но повторяю вам, что поручение дано мне очень высокопоставленным лицом! – воскликнул юноша.

– Может быть, но ее высочество играет в шахматы! – было непоколебимым ответом.

– И это поручение крайне важно!

– Возможно, но ее высочество играет в шахматы!

– Неисполнение его грозит тягчайшими последствиями!

– Весьма вероятно, но ее высочество играет в шахматы!

Ренэ Бретвиль развел руками и замолчал, не зная, что сказать далее. Де Пон иронически смотрела на него.

– Ну, хорошо, – заговорил снова юноша, стараясь придать тону своего голоса как можно более вкрадчивой ласки, – может быть, вы будете добрее, если узнаете, что мне в награду за исполнение поручения обещано покровительство важного лица. Ведь я одинок на свете, у меня нет ничего, кроме юности, отваги, честного имени да вот этой шпаги. Пропустить такой случай, который может никогда не представиться, да еще пропустить только из-за случайного каприза прекрасной девицы – нет, согласитесь, что это было бы слишком обидной насмешкой судьбы!

– Соглашаюсь, но... ее высочество играет в шахматы! – невозмутимо ответила де Пон.

Вся кровь хлынула в голову юному герцогу, его глаза сверкнули, рука невольно ухватилась за эфес шпаги.

– Хорошо же! – крикнул он. – Раз вам не угодно принять во внимание доводы разума, я обойдусь без вас и – будь, что будет! – сам найду дорогу к ее высочеству!

Юноша сделал движение, намереваясь броситься к дому, но де Пон остановила его повелительным движением руки и сказала:

– Ни шага далее! Одно движение, и я крикну стражу! Начинать с Бастилии – плохая примета для всей дальнейшей карьеры, а в Бастилию вы попадете непременно, потому что... потому что ее высочество... играет в шахматы!

– Что же мне делать? – с взрывом неспритворного отчаянья воскликнул Ренэ.

– Перелезть обратно через решетку и... ехать своей дорогой! – последовал бесстрастный ответ.

Но тут уже терявший всякую надежду Бретвиль вдруг получил неожиданное подкрепление из самого стана врагов.

Луиза да Лавальер с самого начала прониклась симпатией к смелому и ловкому гасконцу, и, по мере того как его попытки переубедить де Пон все безнадежнее разбивались о ее ироническое спокойствие, «туренскую пастушку» все более подмывало прийти к нему на помощь. Луиза только не решалась, робела, но теперь отчаяние, отразившееся на лице Ренэ, победило ее робость, и девушка воскликнула:

– В самом деле, Генриетта, я совершенно не понимаю, почему ты отказываешься доложить о молодом человеке? Правда, ее высочество приказала ни в каком случае не беспокоить ее, но ведь никто не может предвидеть разные случайности, и приказ ее высочества не может обнять все случаи без исключения!

– Ее высочество играет в шахматы! – снова повторила де Пон.

– Ах, милая Генриетта, – с досадой ответила Лавальер, начинавшая сердиться. – Всякая шутка хороша в меру! Я сама играю в шахматы, очень люблю эту игру, даже увлекаюсь ею, но никогда не находила, чтобы эта забава должна мешать серьезному!

– Слышите! – раздался голос де Воклюз, очевидно, уже оправившейся от урока, преподаваемого ей Бретвилем. – Наша пастушка тоже «увлекается шахматами»! А разве ты играешь, милочка, так же, как ее высочество?

– Да разве ее высочество играет как-нибудь особенно? – удивилась Луиза.

– Да, дорогая моя пастушка, совсем особенно! – со злобной язвительностью ответила Воклюз. – У ее высочества такая игра, что при всяком ходе получается шах королеве!

– Воклюз! – с негодующей укоризной окликнула ее де Пон, но этот окрик потонул во взрыве общего девичьего смеха.

Этот смех окончательно рассердил Луизу, ее бледное лицо даже покрылось пятнами раздражения.

– Я не знаю, что вы хотите сказать своими злыми намеками и смехом, – почти со слезами крикнула девушка, – но если вы все так злы, то я сама пойду и доложу ее высочеству!

– О, как вы добры и... как прекрасны! – воскликнул Ренэ, лицо которого снова просветлело.

Затем, повинувшись мгновенному движению чувства, экспансивный гасконец в один прыжок очутился около Луизы, быстрым, изящным движением преклонил колено и приник к руке своей заступницы страстно-почтительным поцелуем.

Камоу-то горячий, сухой ток пробежал по руке Луизы от этого прикосновения, жгучей волной обжег ее сердце и отхлынул к голове, колющими искрами впиваясь в мозг. На мгновение в глазах девушки потемнело, нервная дрожь пронизала ее стройное тело. Но сейчас же, густо покраснев, Луиза отдернула руку и поспешно пустилась по дорожке к дому. Однако, сделав несколько шагов, она остановилась и, очаровательно розовея в смущении, сказала:

– Но я даже не спросила, как доложить о вас?

– О, будьте любезны сказать, что ее высочество хочет видеть «посланный из ле Мана»! – ответил юноша.

При последнем слове у де Пон, насмешливо смотревшей вслед Луизе, лицо внезапно вытянулось, и она с некоторым замешательством спросила:

– Из ле Мана, говорите вы? Но... ведь вы упомянули вначале про... Рамбулье? Почему же вы сразу не сказали, что прибыли из ле Мана?

– Не знаю, вероятно потому, что... «ее высочество играет в шахматы»! – ответил юноша, передразнивал надменно-ледяной тон де Пон. – Во всяком случае из обстоятельств дела не видно, чтобы этот город помог мне у вас больше, чем все мои остальные убеждения и доказательства. Как видите, ваша подруга и без этого исполнила мою просьбу! Да, она добрее вас!

– Не добрее, а глупее! – вмешалась д'Артинья. – Поверьте, для нас самих было бы слишком опасно не допустить к ее высочеству посланного к ней курьера. А раз мы все-таки делаем это, то, значит, получили определенный, не допускающий толкований, приказ! Поверьте также, что мы вовсе не злы, во всяком случае не злее Луизы де Лавальер. Но между нами та разница, что мы-то понимаем, что означает на самом деле данный приказ, а эта дурочка в своей провинциальной душевной простоте – нет.

Тем временем Луиза легким, почти неслышным шагом подходила к «желтой гостиной», где, как она знала, герцогиня собиралась играть с кем-то в шахматы. В тот момент, когда девушка остановилась у неплотно прикрытой двери, из глубины комнаты послышался звонкий, радостный голос герцогини, восклицавшей:

– Шах королеве! Шах королеве! Шах королеве!

Поддаваясь безотчетному любопытству, Луиза осторожно раздвинула складки тяжелой портьеры и заглянула в комнату. При свете последних лучей заходящего солнца, широким

отлогим снопом врывавшихся через открытое окно, она увидела, что герцогиня сидит на коленях у нарядно одетого красивого юноши и целует его, приговаривая с каждым поцелуем свое «шах королеве». Хотя Луиза видела этого юношу в первый раз, но она сразу узнала его по портретам, которыми уже не раз любовалась в герцогском дворце. Это был ни много ни мало, как его величество король Людовик Четырнадцатый!

У Луизы подогнулись колени и рука быстро опустила портьеру. Ни жива ни мертва, не сознавая, что она делает и подчиняясь лишь инстинкту, девушка осторожно, стараясь не стукнуть, притворила дверь и затем, затаивая дыхание, на цыпочках отошла в конец коридора, где скорее повалилась, чем села, на подоконник.

Все крутилось и голове несчастной «пастушки». Ее пронизывал ужас пред этими преступными ласками, которыми обменивался король с женой родного брата, вспоминались шуточки де Воклюз, упорство де Пон в нежелании доложить о «посланном из ле Мана».

Да, помешать теперь ее высочеству в игре, «где каждый ход сопровождается шахом королеве», было совершенно невозможно! Бедный юноша! Ему так и не придется воспользоваться счастливым случаем, выпавшим на его долю!

Но тут, вспомнив о Ренэ, Луиза вдруг скова почувствовала на своей руке его поцелуй, и снова горячая волна обожгла ее сердце. Нет, будь что будет, а она доведет до конца взятую на себя миссию! И, собрав всю свою решимость, Луиза встала, не скрадывая шума шагов, подошла к двери и с храбростью отчаяния троекратно постучала в нее.

II

Генриетта Английская, герцогиня Орлеанская, пытливо и с некоторой тоской всматривалась в шахматную доску. Она не могла понять, зачем Людовик поставил коня под удар ее слона, чувствовала здесь какую-то западню, которую не могла разгадать, и заранее раздражалась при мысли, что ее партнер по обыкновению заманит ее в ловушку, чтобы потом поддразнивать женской неспособностью к шахматам.

Нет, этого торжества она не хотела, не могла ему доставить! Ее партия развивалась так хорошо до сих пор! И, усилием воли заставив себя отбросить всякие посторонние мысли и сосредоточиться на одной только игре, Генриетта сказала себе:

«Будем мыслить логически. Если он жертвует конем, значит, ему надо свести моего слона с той линии, на которой он стоит. Для чего же именно надо ему это?».

Герцогиня мысленно сняла своего слона и постаралась представить себе, что произойдет тогда из этого для взаимоположения фигур. И вдруг внутри ее все возликовало: Боже, как это было просто и как дерзко спекулировал Людовик на ее необдуманной, порывистой игре!

Делая вид, будто она ничего не замечает, Генриетта осторожно освободила ладью, вывела своего коня и по третьему ходу, движением второго слона сразу угрожая всем главным силам противника, с ликованием воскликнула:

– Шах королеве! Ну, теперь она от меня не отвертится!

– Шах королеве, шах королеве! – рассеянно повторил Людовик, досадуя, что сам попал в ту яму, которую коварно рыл своей партнерше. – На этот раз я еще как-нибудь отверчусь, но вообще...

– Но вообще признайся, что мой «шах королеве» был подстроен очень тонко и ловко! – с торжеством воскликнула Генриетта.

Людовик оторвал взор от фигур и с тонкой улыбкой посмотрел на порозовевшую от радости герцогиню.

– Да, но тут, в сущности, нечему удивляться, – лукаво заметил он. – Ведь это – твоя специальность: направлять все свои удары на... королеву! Куда ни обернись, все ей, бедной, шах да шах! Не далее как третьего дня...

При этих словах Генриетте живо и отчетливо вспомнилась сцена, разыгравшаяся несколько дней тому назад в Фонтенебло, на маленьком интимном вечере у королевы. Мария Терезия, ревновавшая короля к его невестке и кузине,⁴ умышленно уколола чем-то герцогиню, а та не осталась в долгу и тут же, хитро подстроив в разговоре западню недалекой королеве, заставила ее выставить себя в смешном, непростительно глупом виде.

– «Шах да шах»! – хмуро повторила Генриетта. – О, с каким восторгом я устроила бы ей полный, бесповоротный мат! Ах! – в приливе острой ревнивой тоски воскликнула она вдруг. – Зачем, зачем женился ты на этой толстой испанской короле!⁵ Почему ты не захотел рассмотреть ту страстную, всеобъемлющую, глубокую любовь, которой билось к тебе еще издавна мое сердце? Чем эта надутая испанка лучше меня? Я близка Франции по крови, я – сестра могущественного, дружественного монарха, я достаточно красива, раз сумела все-таки заронить и в твое сердце искру любви. Да, сумела, но... теперь, не тогда. О, почему, Луи, почему?

– Милая Генриетта, – мягко ответил король, притягивая к себе тонкую, выхолченную руку герцогини и нежно целуя ее, – ты не только «достаточно» красива!.. Ты бесконечно красива,

⁴ Мать Генриетты Английской, Генриетта Французская была родной сестрой отца Людовика XIV, Людовика XIII.

⁵ «Испанская королева» наряду с позднейшим «русская свинья» – очень распространенные ругательства в устах дружественной нам нации.

бесконечно очаровательна... теперь! Да, из тебя вышла дивная, искристая, радужная бабочка, но та куколка, из которой вышла эта бабочка...

– Была отвратительна?

– Нет, но не могла заронить искру любви ни в ком! Теперь это – уже дело прошлое, Генриетта, теперь мы можем говорить об этом спокойно. Вспомни сама себя! В тринадцать-четырнадцать лет другие девушки уже приобретают женственную округлость линий, нежную прелесть форм, мягкую грацию движений. А ты... ты была каким-то мальчишкой в юбке! Как сейчас помню тебя! Худая, бесформенная, угловатая, ты не знала, куда девать слишком длинные руки и ноги. Твое бледное, черновато-серое лицо скрашивали только большие жгучие глаза, да и те горели слишком жутким огнем, а в минуты волнения скашивались. Да и все твои порывистые движения, твоя лихорадочная речь, вечные подергивания!

– У меня было слишком тяжелое детство, Луи, а, это не красит, – тихо ответила Генриетта, потупив глаза. – Вспомни, как мне приходилось тяжело! Ведь даже в родственной Франции нас только-только терпели, ненавистный Мазарини окружал нас с матерью чуть ли не тюремным надзором, а тут еще вечная тревога за брата.

– Ну да, моя бедная, ну да! – подхватил Людовик, снова целуя руку герцогини. – Но взвесь теперь также и это! Ты говоришь: «Я – сестра могущественного, дружественного монарха». А тогда? Конечно, если бы я мог только предполагать, что из угловатой девчонки-заморыша выйдет такая пышная красавица, а из принцессы в изгнании – сестра английского короля, то нашел бы в себе достаточно силы и энергии, чтобы дать отпор брачным проектам Мазарини и явить чуть ли не единственный пример монарха, которому выпало на долю редкое счастье сочетать влечение сердца с благом короны. Но возможно ли было тогда даже мечтать об этом? Впрочем, что тут и говорить? Ты сама по себе знаешь, Генриетта, что мы, члены венценосных семей, не вольны в брачном венце. Разве ты не вышла за Филиппа, принося свое отвращение к моему брату в жертву политическим соображениям Англии?

– Никогда! – крикнула Генриетта, порывисто вскакивая с кресла. – Неужели ты думаешь, что брат Карл мог бы принудить меня к браку, если бы я не захотела этого союза? Неужели ты думаешь, что я позволила бы превратить себя в жертву политических соображений Англии? Если Англия действительно так могущественна, то она могла бы обойтись в своих политических целях без того, чтобы вконец разбивать и без того надтреснувшее сердце сестры короля! Нет, Луи, я добровольно дала свое согласие, потому что Филипп – твой брат, потому что, выйдя за него, я могла провести всю свою жизнь во Франции, в непосредственной близости к тебе!

– Ну, я все-таки предпочел бы, чтобы Филипп не был мне так близок по крови! – буркнул Людовик, лицо которого омрачилось. – Однако будем продолжать игру! – и он сделал ход.

Несколько минут прошло в сосредоточенном молчании. Наконец Генриетта сказала, рассеянно двигая пешкой:

– По-моему, он все-таки затевает что-то. Ну, подумай сам! Когда он вернулся из Лувра, то заявил, что намерен воздержаться на ближайшее время от твоих поручений, так как хочет пожить в Париже в свое удовольствие. Третьего дня он еще утром ничего не говорил мне, а вечером вдруг сообщил, что барон Лионнеф пригласил его поохотиться в своих лесах близ ле Мана. Я не могу не сопоставить этого внезапного отъезда с перешептыванием Филиппа с этой противной графиней де Суассон, которая вечно подглядывает за нами.

– Да, очаровательная Олимпия все еще не может простить мне прошлое, – ответил король. – Но почему отъезд Филиппа кажется тебе подозрительным? Брат действительно любит охоту, у Лионнефа действительно имеется чудная охота близ Лемана. Но в том, что Филипп все-таки ревнует, я несколько не сомневаюсь, и мне кажется, что нам надо придумать что-нибудь!

– Да, наши свидания не могут долго оставаться тайной, – согласилась Генриетта. – Самое лучшее будет, если ты начнешь ухаживать за кем-нибудь из моих фрейлин. У меня ведь

много красавиц. Легкомыслие его величества, христианнейшего короля Франции, достаточно известно, и твоему мнимому увлечению сразу поверят. Филипп успокоится, а твоя мамаша вместе со всеми прихлебательницами, стремящимися водворить сердце короля на законном месте возле толстой и глупой Марии Терезии, кинутся по фальшивому следу. Чего же лучше? Но смотри! – прикрикнула она вдруг, сразу загораясь ревностью к тем улыбочкам и рукопожатиям, которыми Людовику придется наделить мнимую соперницу королевы, – чтобы это и в самом деле было только для вида!

– Как ты несносна со своей вечной ревностью! – досадливо пробурчал Людовик.

– Это потому, что я уж очень люблю тебя, мой прекрасный тиран! – ответила Генриетта, грациозным движением опускаясь на ковер у ног короля. – Я ревную тебя ко всем и ко всему – к коню, которого ты треплешь по шее, к собаке, которую ты ласково гладишь, к старому Лапорту,⁶ одевающему и раздевающему тебя, даже к ветерку, имеющему дерзость трепать твои дивные кудри, словом, ко всему ко всему! – и, словно послушная собачка, Генриетта покорно положила свою капризную головку на колени короля.

– Милая Генриетта! – с чувством произнес Людовик, ласково потрепав герцогиню по щеке. – Однако займемся снова шахматами. За игру, ваше высочество, за игру!

– За игру? – повторила Генриетта и, подняв голову, вдруг одним прыжком очутилась на коленях у Людовика. – Ну, так за игру, ваше величество! – И она принялась бурно целовать Людовика, шаловливо приговаривая при каждом поцелуе: – Шах королеве! Шах королеве!

– Генриетта, да бог с тобой, ведь окно открыто! – воскликнул Людовик, тщетно стараясь урезонить расшалившуюся женщину. Наконец он поднял ее и усадил, смеющуюся и задыхающуюся от борьбы, обратно в кресло. – Ну, – сказал он затем, – как видно, сегодня нам не играть! Можно смешать фигуры? – и с этими словами он занес руку над доской.

– Не смей! – капризно крикнула Генриетта. – Мое положение гораздо лучше твоего, и тебе сегодня не увернуться от мата, уж нет!

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите! – удивленно крикнула Генриетта.

Дверь открылась, а на пороге показалась смущенная, трепещущая Лавальер.

– Лавальер! – с негодованием крикнула Генриетта. – Что это значит? Вы осмелились? Как, вопреки моему строгому приказанию, вы решаетесь вламываться ко мне? Нет, я вижу, что совершила большую ошибку, не поддавшись первому впечатлению и не отправив вас обратно! Но это не поздно сделать и теперь...

– Герцогиня! – мягко сказал Людовик, которого тронуло выражение искреннего, беспомощного отчаяния, ярко отразившееся на всей фигуре грациозной девушки. – Не думаю, чтобы мадемуазель решила нарушить приказание вашего высочества без достаточных к тому оснований. Поэтому не лучше ли сначала спросить ее, чем вызвано ее появление?

– Ну? – повелительно кинула Генриетта, обращаясь к Луизе.

– Ваше высочество, – чуть не плача, начала девушка. – Только что прибыл всадник, настойчиво требовавший, чтобы о нем доложили вашему высочеству. Во дворце его отказались пропустить, и тогда он обратился к нам, фрейлинам, гулявшим в парке, объяснив, что поручение к вашему высочеству дано ему каким-то высокопоставленным лицом, что это поручение должно быть передано вам до захода солнца сегодняшнего дня и что неисполнение этого поручения грозит тягчайшими последствиями. Ссылаясь на данный формальный приказ, дежурная при особе вашего высочества отказалась доложить о прибывшем, но я предпочла подвергнуться гневу вашего высочества, чем допустить, чтобы и в самом деле для вашего высочества произошли какие-нибудь неприятности.

– Но кто этот всадник?

⁶ Личный камердинер Людовика XIV, состоявший при нем еще с детства.

– Он просил доложить о себе, как о «посланном из ле Мана»!

– Из ле Мана? Но в таком случае его послал герцог Филипп!

– Не думаю, ваше высочество, – ответила Луиза, покачав белокурой пышной головой. – Если бы это было так, то он прямо сказал бы. Кроме того, он назвал себя «посланным из ле Мана», а между тем сам сказал, что поручение дано ему в Рамбулье!

При этих словах Луизы Генриетта и Людовик переглянулись: одна и та же, близкая к истине, мысль мелькнула у обоих.

Затем Генриетта сказала:

– Вы хорошо поступили, дитя мое! Вы доказали, что вы – надежный и верный человек! Ну, так приведите сюда этого господина, а сами оставайтесь неподалеку: вы можете еще понадобиться! И помните: никаких лишних разговоров!

Обрадованная Луиза выпорхнула из комнаты и, вскоре введя в желтую гостиную Ренэ, сейчас же скромно удалилась вон.

Ренэ отвесил герцогине почтительный, изящный поклон, по всем правилам коснувшись пола жалким подобием пера на своей шляпе, а «придворному щеголю», сидевшему тут же, в комнате, только сдержанно и не без надменности поклонился. Затем он остановился в почтительной позе, ожидая вопросов.

– Вы прибыли из ле Мана? – спросила Генриетта.

– И да, и нет, ваше высочество, – почтительно ответил Ренэ. – «Да» – потому что я все-таки проезжал через этот город, «нет» – потому что я приехал из несравненно более далекого места, да и поручение дано мне не в ле Мане, а около Рамбулье!

– Прежде всего, кто вы такой? – резко опросил из своего угла «придворный щеголь».

Ренэ надменно поднял голову и с достоинством произнес:

– Прежде всего, с кем имею честь?

– Ну я, скажем, – мсье Луи, – ответил «щеголь», усмехаясь задору этого провинциального петушка. – А вы?

– Мсье Луи? – радостно воскликнул юноша, не отвечая на вопрос. – Боже мой, неужели я сразу встречаю того самого человека, к которому предполагал обратиться по личному делу? Ведь вы – гардеробмейстер его величества короля?

– Нет, только однофамилец! – с улыбкой ответил король и тут же добавил. – Однофамилец и прямой начальник!

– А, значит, вы – один из маршалов двора! – догадался юноша. – Я так и подумал, потому что едва ли мсье Луи осмелился бы сидеть в присутствии ее высочества!

– А гардеробмейстер Луи, наверное, – ваш родственник? – продолжал спрашивать король, забавляясь все больше.

– Луи? Мне? – с негодованием воскликнул Ренэ. – Простите, я не имею чести знать вашу генеалогию, да вы и сами сказали, что вы – лишь однофамилец гардеробмейстеру, но тому Луи не может быть родственником Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк!

– Ого! – с одобрением сказал Людовик, – это имя звучит гордо и громко! Но вы напрасно обижаете моего доброго Луи, ведь он – дворянин!

– Фа! – презрительно фыркнул Ренэ. – Дворянин со вчерашнего дня! А один из Бретвилей был женат на незаконной дочери короля Филиппа Красивого.⁷ Вот еще в какие времена наш род уже был отмечен в истории славными делами! Нет, дело в том, что мне пришлось оказать пустячную услугу одному из родственников мсье Луи, и вот этот родственник дал мне письмо к последнему, так как я – совершенно один, без друзей и покровителей. Однако мое поручение, мое поручение! Ведь я обещал передать его до захода со лица! Бога ради, ваше высочество, простите мне мою неуместную болтливость и разрешите изложить то, что мне поручено!

⁷ 1268–1314 гг.

Герцогиня дала это разрешение. Тогда Ренэ сказал:

– В нескольких лье от Рамбулье я встретил человека, назвавшегося графом де Гишем; он попросил меня немедленно поскакать в Париж, постараться до захода солнца увидеть ее высочество герцогиню Орлеанскую и передать ей, что «он» не поехал в ле Ман, что никакой охоты не будет и что сегодня к наступлению темноты «он» будет в Париже, причем постарается попасть домой незаметно, чтобы застать кое-кого врасплох!

– Какая низость! – воскликнула Генриетта, гневно сверкая глазами. – Я сейчас же прикажу закладывать экипаж и уеду в Блуа!

Герцогиня вскочила, намереваясь сейчас же исполнить свое решение, но «мсье Луи» остановил ее, сказав:

– И этим вы несомненно выдадите только графа де Гиша! Нет, ваше высочество, позвольте мне дать вам хороший совет и помочь разыграть веселую комедию. Но это потом, у нас еще имеется в распоряжении добрых три часа. А пока не разрешите ли расспросить молодого человека, как именно встретился он с Гишем и при каких обстоятельствах было дано ему это поручение?

– Что же, может быть, вы и правы, мсье Луи, – ответила Генриетта, – но в таком случае... Не будем забывать, что молодой человек ради этого поручения скакал от самого Рамбулье и, наверное, еле держится на ногах от усталости! Поэтому разрешаю ему присесть!

Следуя приглашению герцогини, Ренэ, рассыпаясь в тысяче благодарностей, деликатно уселся на кончик одного из стульев. При этом он попал в полосу солнечного света, от которого рукоятка его шпаги заискрилась и засверкала.

– Ба! Что это у вас такое? – воскликнул «мсье Луи», заметив бриллиантовые лилии на эфесе.

– Эту шпагу вместе с титулом герцога д'Арк пожаловал моему деду его величество король Генрих Четвертый! – с гордостью сказал Ренэ, обнажив шпагу и положив ее на стол перед Людовиком.

– Мой дед! – воскликнула Генриетта, с любопытством наклоняясь к шпаге. – Однако! – сказала она затем. – Ведь это – очень дорогая вещь!

– Еще бы! – с гордостью подхватил Ренэ. – Ведь это – подарок самого Генриха!

– Да, но помимо символической ценности – ценности королевского подарка – эта шпага имеет еще значительную денежную ценность, и меня в самом деле удивляет, как это... вы... – король несколько замялся, стараясь выбрать выражения как чтобы не задеть самолюбия щепетильного гасконца. – Ну, словом, вам, наверное, не раз предлагали продать это оружие за хорошие деньги, и меня удивляет... ведь, судя по всему, вы... небогаты...

– Эх, мсье Луи, мсье Луи! – тоном совершенно непередаваемой скорбной снисходительности заметили Ренэ. – Вот сразу и видно, что ваша родословная будет не из длинных! Иначе вы поняли бы, что не все меняется на деньги и что такая реликвия – выше оценки ростовщиков и менял! А, кроме того, с моей стороны было бы крайне неразумно упустить из рук такое оружие, которого мне самому уж никогда не приобрести! Помилуйте, ведь эта тоненькая, гибкая сталь легко пробивает монету!

– А ну! – сказал Людовик, бросая на стол золотую монету. – Это интересно!

Ренэ взял монету и сейчас же положил ее обратно, сказав:

– Эта не годится. Нет ли у вас иностранной? Изображения французского короля французское оружие не пробьет!

– Нет, да он – просто прелесть, наш милый, юный герцог! – воскликнул Людовик, искренне тронутый причудливым сочетанием юной деревенской наивности и яркой рыцарственности в этом «гасконском петушке». – Ну, опыт с пробиванием монеты мы произведем потом, а теперь время идет, и мы жаждем услышать от вас рассказ о том, как вы встретили графа де Гиша!

– Извольте! – согласился Ренэ. – Надо вам сказать, что тля истребила в этом году все мои виноградники, и я остался в полном смысле слова «на бобах», потому что, кроме бобов, мне нечего было есть. Вот я и решил махнуть рукою на старый, полуразвалившийся Бретвиль и попытать счастья в Париже. Сколотив кое как небольшую сумму денег, я добрался до Байонны, где сел на испанское судно, шедшее в Нант. Это был очень дешевый способ передвижения, но, как это часто бывает, дешевое оказалось дорогим: капитан обыграл меня в кости на значительную часть моего денежного запаса! Сойдя в Нанте с судна, я, по правде сказать, порядком призадумался. Ведь мне предстояло сделать до Парижа около ста лье,⁸ а денег у меня не было и на три дня пути! К тому же «мой верный Марс плохо перенес морское путешествие, явно недомогал, а денег на приобретение другой лошади у меня не было.

В таких стесненных обстоятельствах я выехал из Нанта. Я решил ехать ночами, а днем отдыхать где-нибудь – в любом номере «гостиницы Господа Бога», то есть под открытым небом. Лесные заросли, пещеры, островки на реках давали мне надежный и безопасный приют, а хлеб с сыром да вино, закупаемые в придорожных селениях, заменяли завтрак, обед и ужин. Но, уверяю вас, я чувствовал себя прекрасно и был бы совершенно доволен, если бы только не недомогание Марса, чувствовавшего себя с каждым днем все хуже и хуже. И с каждым днем переезды были все короче, отдых – все чаще и продолжительнее. А ведь время шло, деньги текли.

Третьего дня утром я прибыл на границу леса Рамбулье, недалеко от города того же имени. Разыскав в лесу какую-то полуразвалившуюся хижину, я с комфортом выспался там на ложе из сухих листьев. Теперь мне оставалось до Парижа всего десять-двенадцать лье. Будь мой Марс вполне здоров, я мог бы к утру уже добраться до столицы, но с лошадыю делалось совсем неладное: Марс хрипел, вздрагивал всем телом и то и дело спотыкался. А ведь у меня оставалось всего лишь несколько су!⁹

Я видел, что Марсу надо дать более продолжительный отдых, что дело могло кончиться плохо, но иссякновение денежного запаса не оставило мне выбора, и под вечер я тронулся в путь. Сначала Марс еще бежал кое как, но в двух-трех лье от Рамбулье он вдруг затрясся всем телом и тяжело рухнул на землю как раз пред крыльцом деревенской харчевни, на котором стоял в позе глубочайшей задумчивости молодой, нарядный и очень красивый дворянин.

Должно быть, у меня был очень комичный вид, когда я, в немом отчаянии всплеснув руками, застыл над конвульсивно вздрагивающим телом отдавшего свою лошадиную душу Марса. По крайней мере с лица молодого дворянина сбежало выражение озабоченной задумчивости, и он весело расхохотался.

– Сударь! – сердито крикнул я, чувствуя желание сорвать на ком-либо свое отчаяние. – Судя по костюму, вы – дворянин, но, видно, ваше дворянство не идет далее платья, потому что иначе вы поняли бы, насколько неблагородно смеяться над несчастьем человека, попавшего в безвыходное положение!

Я ждал резкого ответа и уже со сладострастием схватился за эфес шпаги. Но дворянин, пропуская мимо ушей оскорбительность моего восклицания, вдруг положил палец на губы, как бы приказывая мне молчать, и повелительно поманил за угол дома, где под большим старым платаном виднелась скамья. Растерянный, недоумевающий, я машинально подчинился этому безмолвному приказанию.

– Вы едете в Париж? – спросил меня молодой дворянин.

– Еду? – с горечью повторил я. – Нет, я ехал, а теперь... иду!

Юноша пытливо осмотрел мня с ног до головы и потом сказал:

⁸ Около четырехсот верст.

⁹ Мелкая французская монета, около двух копеек.

– Согласитесь по прибытии в Париж исполнить маленькое поручение, и я подарю вам лошадь и дам денег!

– Сударь! – с негодованием перебил его я. – Ренэ де Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк может оказать одолжение другому дворянину, но плату он принимает лишь от государя или от принца крови!

– Ах, ну пусть это будет не плата, а просто одолжение – за одолжение! – нетерпеливо ответил мне юноша.

– Я могу принять одолжение такого рода лишь от лица, равного мне по происхождению, – возразил я. – Поэтому будьте добры сказать, с кем я имею честь разговаривать?

В этот момент из дома послышался чей-то тягучий, капризный и очень противный голос...

– Ручаюсь, что это был голос его высочества, герцога Филиппа Орлеанского! – насмешливо встала Генриетта, но, заметив, как покраснел и смутился Ренэ Бретвиль, поспешила прибавить. – Не смущайтесь, не смущайтесь, юноша! Вы сказали чистую правду! Ну-с, продолжайте!

– Этот голос, – продолжал Ренэ, – крикнул: «Гиш, да куда ты запропастился? Верно, опять обхаживаешь какую-нибудь смазливую девчонку? Мне скучно!»

– Оставайтесь здесь, я сейчас успокою его! – шепнул мне юноша и поспешно ушел, а я так и замер от неожиданности, подумав:

«Неужели со мной действительно говорил потомок “прекрасной Коризанды¹⁰”, известный своими успехами на полях брани и любви, граф де Гиш?».

– О, судя по предположению, высказанному его высочеством, это был несомненно граф Арман, который пошел в своего дядюшку Филиберта! – иронически заметил «мсье Луи». – Но что же произошло с вами дальше?

– Через некоторое время, – продолжай Ренэ, – юноша вернулся.

– Успокоил! – шепнул он мне, радостно потирая руки. – Я вкатил ему бутылку крепкого мускатного вина, и у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить на свободе. Кстати, – вдруг спохватился юноша, – не спрашивайте и не пытайтесь ни теперь, ни когда бы то ни было догадываться, кто такой – этот *он*: существуют секреты, о которых лучше всего забыть, особенно если собираешься сделать карьеру при дворе, а я должен очень ошибаться, если только вы не за этим едете в Париж. Но не беспокойтесь, исполните только мое поручение, и я вам помогу. Впрочем, вы еще не дали мне своего согласия, вы еще не знаете, можете ли принять от меня помощь? Ну, так меня зовут Арман де Грамон, граф де Гиш! Достаточно ли оно звучно для вас?

– Оно не только слишком звучно, – ответил я, – но и обеспечивает мне, что от меня не потребуется ничего, нарушающего долг дворянина!»

– Ну, в этом отношении вы были вовсе не так правы, как думаете, – заметил «мсье Луи» с кислой улыбкой. – Имя «Гиш Грамон» далеко еще не обеспечивает порядочности!

– Прошу извинить, но я не считаю какого-то «мсье Луи» компетентным в вопросах чести, касающихся высшего дворянства! – надменно возразил Бретвиль.

– Продолжайте! Не обращайтесь на него внимания! – с улыбкой заметила Генриетта, подмигивая Людовику.

¹⁰ Прозвище графини де Гиш, фаворитки короля Генриха Четвертого. В войне против Лиги Диана де Грамон-Гиш предоставила в распоряжение Генриха (в то время наваррского короля) все свое громадное состояние. Генрих хотел, разведясь с Маргаритой, жениться на Диане и даже выдал ей клятвенное обещание, написанное кровью. Но это обещание так и не было исполнено им. При дворе Людовика XIV пользовались известностью три потомка «прекрасной Коризанды»: герцог де Грамон (Антуан Третий), граф де Грамон (Филиберт, брат последнего, высланный Людовиком из Франции за бесконечные любовные похождения) и просто де Грамон (Арман, граф де Гиш, младший сын первого).

– О, – воскликнул в ответ граф, – продолжал Ренэ, – все дело идет о том, чтобы предупредить молодую и прекрасную женщину о грозящей ей опасности!

– В таком случае, – крикнул я, – я готов отправиться хоть сейчас, даже если бы мне пришлось бежать пешком вплоть до самого Парижа!

– Ну, в этом, слава богу, нет необходимости, – улыбаясь, возразил мне де Гиш. – Однако я пойду, посмотрю, крепко ли спит *он*, а затем мы с вами поужинаем и поговорим.

Граф снова на минуточку скрылся в дом и затем, выйдя ко мне, увел меня двором во внутренние комнаты харчевни. Кроме старухи-хозяйки, там не было никого: по всему было видно, что таинственный *он* обставил тщательным секретом свое пребывание в деревенском постоялом дворе и что туда больше не пускали никого из приезжих. Да их и не было: все предпочитали отдыхать в Рамбулье.

Угостив меня великолепным ужином, граф сказал:

– Теперь поговорим о нашем деле. Еще раз предупреждаю, что вы не должны стараться проникнуть в истинную подоплеку вещей. Позднее, когда вы обживетесь при дворе, вам станет многое ясно само собой, но и тогда не советую вам проявлять излишнюю любознательность!»

– От всей души присоединяюсь к этому совету! – заметил Людовик.

– После этого граф произнес: «Поэтому, не ломая головы над разгадкой того непонятного, что будет для вас в моих словах, постарайтесь только хорошенько усвоить и запомнить их для передачи кому следует! После нашего ужина вы ляжете спать и на рассвете тронетесь в путь. Вы поедете прямо в Париж, стараясь добраться туда как можно скорее. Если ваша лошадь притомится, бросайте ее и покупайте свежую. Во всяком случае, так или иначе, но до захода вы должны быть в «Пале-Рояле», добиться там лично аудиенции у ее высочества герцогини Орлеанской и передать ей то, что я вам сейчас скажу. *Он* задумал подстеречь *ее*. Об этом *он* сказал мне лишь тогда, когда мы доехали до Шартра. Дальше Шартра *он* даже не поехал, так как ровно никакой охоты не предполагалось, и в ле Ман *ему* ехать было незачем.

Я тогда же решил предупредить *ее* об ожидающей *ее* ловушке, но *он* не отпускал меня ни на шаг, да и мне некому было довериться. Никому из слуг я не мог поручить такое щекотливое дело. Я уже начинал отчаиваться, как неожиданно встретил вас и поручаю вам известить через посредство герцогини *ее* обо всем. Завтра утром мы двинемся в путь с таким расчетом, чтобы при наступлении темноты быть уже в Париже, где нас никто не ожидает». Так оказал мне граф де Гиш, – продолжал Ренэ, – а я сейчас же вызвался охотно сделать все, как нужно.

Я предложил даже во избежание излишних подозрений не брать лошади у графа, а воспользоваться первой попавшейся крестьянской, добраться до ближайшего селения, там переночевать и утром приобрести хорошую лошадь, на которой и добраться до Парижа. Граф одобрил мой план, вручил мне кошелек, наполненный в изобилии «презренным металлом», и мы простились, обещая свидеться в Париже через день.

Я рассчитывал, что успею добраться до Парижа задолго до условленного срока, однако у судьбы оказалось в запасе для меня несколько приключений, которые порядком задержали меня. Никогда не подумал бы я, что в такой близости от столицы слоняются целые банды разбойников и что мне придется последовательно отбиваться от двух шаек. Затем случилось еще маленькое дело чести, которое пришлось решить тут же, на месте, в Севре. Однако я очень торопится и, как видите, все же успел попасть в Париж вовремя!

– Еще два слова, – сказал Людовик. – Что вы предполагали делать в Париже?

– Я рассчитывал навестить мсье Луи и вручить ему письмо гарбского родственника в надежде, что мне удастся пристроиться на королевскую службу!

– Ну и отлично! Пусть граф де Гиш приведет вас ко мне, и мы посмотрим, что можно будет сделать. Я ведь уже сказал вам, что я – прямой начальник мсье Луи, а потому могу быть вам полезнее, чем он! – улыбаясь, добавил король. – Ну-с, а теперь, – обратился он к Генри-

етте, – мне кажется, что молодой человек честно заслужил право на отдых, и вы, ваше высочество...

– О, конечно, конечно! – подхватила Генриетта и, сейчас же схватившись за палочку слоновой кости, закругленным концом ее три раза ударила по большой серебряной раковине, повисшей на кадучее¹¹ устремившегося в полет Меркурия.

На звонок явилась Лавальер.

– Милая Лавальер! – сказала ей герцогиня, – распорядитесь пожалуйста, чтобы этого молодого человека устроили как следует. Он совершил продолжительный и трудный переезд, ему нужен отдых. Кроме того, будьте любезны передать своим друзьям и принять во внимание сами, что я требую полного молчания обо всем случившемся!

Низко присев в ответ, Луиза повела Ренэ к мажордому, чтобы распорядиться ужином и помещением для усталого гонца.

В коридоре она спросила Ренэ:

– Ну, как видно, все обстоит очень хорошо?

– О, благодарю вас, благодарю вас! – воскликнул юноша. – Именно вам я обязан теперь всем своим счастьем, всей своей дальнейшей судьбой! – и Ренэ сделал попытку схватить Луизу за руку, чтобы почтительно поцеловать кончики ее пальцев.

Снова от прикосновения юноши сухой, горячий ток побежал по всему телу девушки, и, резко вырвав свою руку, она попросила Ренэ оставить эту манеру.

– Простите, но я не хотел обидеть вас! – грустно и смущенно сказал Бретвиль.

Они молча сделали еще несколько шагов. Затем, снова отдавшись думам о своем будущем, Ренэ спросил Луизу:

– Скажите, мадемуазель, действительно ли мсье Луи имеет такое влияние при дворе и может сделать кое-что для меня?

– Мсье Луи? Гардеробмейстер короля? – удивленно спросила Луиза.

– Да нет, его однофамилец!

– Однофамилец?

– Ну, да! Словом – тот самый, который был сейчас у ее высочества!

– Ах, этот! – отозвалась Луиза, весело улыбаясь, и, плутовски посмотрев на своего спутника, с важным видом ответила. – Этот мсье Луи действительно имеет кое-какое влияние при дворе и может сделать кое-что для вашего будущего!

¹¹ Кадучей – атрибут Меркурия, сына Юпитера, посланника богов и бога красноречия, торговли и воров – состоял из палочки (жезла), перевитой двумя змеями и снабженной на конце парой орлиных крыльев. Змеи являлись тут символом осторожности и хитрости, орлиные крылья – символом деятельности, стремления, полета творческой фантазии.

III

– Однако! – воскликнул Людовик, когда остался наедине с Генриеттой, – мой дражайший брат, по-видимому, совсем рехнулся!

– Я с ужасом думаю, что произошло бы, если бы Гиш не был так искренне предан тебе, несмотря на всю твою несправедливость, или если бы ему не удалось предупредить нас! – отозвалась Генриетта.

– Ну, – пренебрежительно возразил Людовик, – хуже всего пришлось бы самому Филиппу, потому что французский король не может простить тому, кто сознательно поставит его в смешное, унижительное положение! Удайся замысел Филиппа, так его высочеству пришлось бы познакомиться с Бастилией!

– Но... скандал...

– Да, скандал был бы все-таки не маленький, и потому нам надо, во-первых, отбить охоту у Филиппа на будущее время заниматься такими подвохами и, во-вторых, вообще отвлечь его подозрения. Что касается первого, то это устроить нетрудно, и я скажу тебе как. Что же касается второго... ну, тут я не вижу иного исхода, кроме того, который предложила ты сама, то есть начать ухаживать за одной из твоих дам!

– Гм... – произнесла Генриетта, задумываясь. – Ну так что же? – сказала она затем. – Давай решим, кого выбрать. Не хочешь ли де Воклюз или де Пон?

– Ну, вот еще! – морщась, возразила король. – Воклюз черна, суха и зла, а де Пон со всей своей красотой все-таки больше похожа на породистую корову чем на девицу.

– Позволь, друг мой! – зло крикнула герцогиня. – Мы ведь выбираем не подходящую любовницу для тебя, а отвод глаз для Филиппа и королевы-матери! Между тем ты...

– Между тем я хочу, чтобы этот «отвод глаз» был правдоподобен и чтобы нашу игру не мог разгадать с первого шага любой ребенок, что неизбежно случится, если я выберу такую, которая не соответствует моим вкусам. А вот что ты думаешь относительно этой маленькой Лавальер?

– Никогда! – крикнула Генриетта в ответ. – Ты смотрел на нее слишком сочувственно, друг мой! Я уже вижу, куда ты клонишь! Скажи просто, что я тебе надоела... и... что... – и голос герцогини дрогнул, обещая близкие ревнивые слезы.

– Хорошо, – ледяными тоном сказал Людовик, вставая с кресла, – тогда мне остается еще один исход – самый лучший, пожалуй! Нам нужно порвать, Генриетта, и тогда все уладится само собой!

Герцогиня вскочила, но сейчас же, смертельно побледнев, пошатнулась и судорожно ухватилась за ближайший стул.

– Ну да, Генриетта, – сказал король, смягченный видом этого безмолвного отчаяния, – подумай сама: я ведь должен вечно быть между двух огней. С одной стороны – меня допекает наставлениями мать, донимает слезами Мария Тереза, а с другой – то Филипп устраивает мне сцену ревности из-за того, что я слишком нежно посмотрел на тебя, то ты накидываешься на меня с упреками, почему я на тебя даже не посмотрел! Так жить нельзя, милая Генриетта! К чему мне даже из лучшего, высшего счастья делать для себя какой-то подвиг, превращать сладчайшие мгновенья жизни в минуты злейшей досады? Конечно, ни наставлений королевы-матери, ни слезливости королевы-супруги мне не избежать, но и на то, и на другое я обращаю мало внимания. Однако, когда мне представляется возможность избавиться от скандальной, досадливой ревности Филиппа, тогда ты находишь обильную пищу для собственных ревнивых подозрений!

Людовик замолчал и искоса посмотрел на герцогиню, ожидая ее ответа.

Прошло несколько секунд молчания, затем, глотая слезы, упорно накипавшие в груди, герцогиня оказала:

– Лавальер... не подходит... вообще... Она слишком наивна, мечтательна и... неиспорчена. Эта глупая гусыня попросту не поймет тонкого удовольствия игры в любовь...

– Да, это трогательное существо, пожалуй, и в самом деле не годится для подобной забавы! – пробормотал Людовик в прибавил. – Ну, если Лавальер не подходит, то это – другое дело, это – по крайней мере законный довод. Но кого же нам выбрать в таком случае и кто из твоих девиц не возбудит в тебе нового припадка острой ревности?

– Что ты скажешь о д'Артиньи? – спросила, подумав и почти успокоившись, Генриетта.

– Д'Артиньи? Ну что же! Она изящна, стройна и не глупа, и если твоя ревность допустит, чтобы я для вида занялся ею...

– Пожалуйста!.. Уж кто бы говорил про ревность, да не ты! – смеясь, воскликнула окончательно успокоившаяся Генриетта. – А Гиш? Разве ты не приревновал меня к нему без всяких оснований?

– Ну, чтобы это было без всяких оснований...

– Но конечно так! Подумай сам: если бы Гиш был действительно увлечен мной, то не стал бы мешать замыслам герцога Филиппа, а, наоборот, сделал бы все, чтобы они удались. Ведь тогда между тобой и мной возникла бы преграда в виде скандала, которую...

– Которую было бы вовсе не так трудно преодолеть, как тебе кажется! Зато, удайся замысел Филиппа и выяснись, что Гиш не принял мер к предупреждению скандала, между тобой и им возникла бы более существенная преграда в виде тех сотен лье, которые стали бы отделять его от Парижа после изгнания из пределов Франции! Поверь, милая Генриетта, Гиш отлично учел это!

– Луи, Луи! – воскликнула Генриетта, качая головой. – Ты так молод и уже не веришь в людское бескорыстие!

– Нет, – ответил Людовик, – в людское бескорыстие вообще я пока еще верю, но в бескорыстие графа Де Гиша... Впрочем, о чем тут говорить? Каковы бы ни были мотивы Гиша, он все же оказал мне большую услугу, а это я не должен и не стану забывать. Пожалуйста, Генриетта, ты, наверное, увидишься с Арманом, ну так скажи ему, чтобы завтра утром он зашел ко мне, захватив с собой также и этого гасконского чудака!

– Да, но Филипп, Филипп! – воскликнула Генриетта. – Ты ведь хотел дать мне совет, как лучше всего проучить моего муженька, чтобы надолго отбить у него охоту к подобным выходкам!

– О, мой план крайне прост: пусть Филипп попадет в ту самую яму, которую роет другим! Он хотел устроить скандал, который должен всей тяжестью лечь на нас с тобой, так пусть же устроенный им скандал обрушится на него самого. Он хотел, чтобы скандал помешал нам любить друг друга, а мы сделаем так, чтобы скандал помешал ему в будущем открыто ревновать!

– Да, но как это сделать?

– А вот послушай! – и король шепотом передал Генриетте свои соображения.

IV

Людовик был совершенно прав, объясняя поступок Армана Грамон, графа де Гиша не бескорыстной преданностью своему государю, а лишь одними утилитарными соображениями. Действительно у Гиша была тысяча мотивов желать, чтобы план Филиппа потерпел крушение, но не было ни одного мотива желать торжества этому плану.

Прежде всего Гиш отнюдь не был увлечен Генриеттой Английской, а следовательно, не мог связывать никаких личных планов с торжеством филипповой ловушки. Конечно, красавец Арман слегка приударял за герцогиней и не отказался бы довести это ухаживание до вождельного конца, если бы к тому представился удобный случай. Но точно так же он стал бы добиваться благосклонности любой красивой женщины, так как, считаясь одним из опаснейших донжуанов своего времени, готов был непрестанно увеличивать длинный синодик своих любовных жертв. К тому же Генриетта была женой брата короля и возлюбленной последнего. Через нее можно было добиться многого, а ведь кодекс чести того времени не только не возбранял пользования услугами женщины, а даже возводил это в особую заслугу. Принимая услуги от мужчины, дворянин относился к этому с той преувеличенной чуткостью, которая чрезвычайно ярко выразилась в ответе Ренэ Бретвиля Гишу: «Дворянин принимает плату только от короля или от принца крови, принять же деньги в одолжение может лишь от лица, равного ему по происхождению». Действительно, взять деньги в вознаграждение за услугу, оказанную менее родовитому дворянину, было бы просто позорным. Зато взять займы у ростовщика-мещанина, зная заранее, что отдать будет нечем, было вполне естественно. А жить всецело на счет женщины, хотя бы немолодой, некрасивой и незнатной, было по понятиям того времени такой доблестью, что, хвастаясь своей связью, иной дворянин старался преувеличивать «субсидию», получаемую им от своей «милой». Конечно, в деньгах богатый Арман де Грамон не нуждался, но ведь капитализировать влияние жены королевского брата можно было не только в виде звонкой монеты!

Таким образом, не отказываясь от милостей Генриетты «в случае чего», Арман де Гиш тем не менее не питал в данный момент никаких особых намерений и планов на эти милости. Тем более ему было досадно, что из-за Генриетты король порвал сердечную дружбу, чуть ли не с детства связывавшую Людовика с Арманом. Предупредить планы Филиппа значило вернуть утерянную дружбу и увеличить расположение самой Генриетты. Правда, зато неминуемо охлаждение самого Филиппа. Но дружбой герцога Орлеанского Арман несколько не дорожил. Ведь Филипп приблизил его после постигшей его королевской немилости с явным расчетом приобрести союзника, раздосадованного королевской несправедливостью и готового интриговать против короля. Такая дружба была слишком опасна и сожалеть о ее окончании было нечего!

Но помимо всего этого был еще один мотив, важность которого, быть может, не вполне сознавалась самим Гишем, но который один мог побудить его на предпринятый им шаг.

Уезжая из Парижа, Гиш не был посвящен в планы герцога Орлеанского. Только в Шартре, напившись «до положения риз», Филипп открыл своему новому другу, что охота – лишь ловушка, с помощью которой он рассчитывает застать на месте преступления неверную жену с ее дружкой, «кто бы он ни был». Гиш был очень неприятно изумлен этим открытием, но не мог ничего возразить в тот момент, так как хмель Филиппа перешел в истерическое неистовство. Герцог разразился рыданиями, жалобами, проклятьями; он стучал кулаками по столу и кричал, что ему надоело быть посмешищем всей Франции.

Гишу стоило немало труда успокоить герцога и уложить его в кровать, не прибегая к помощи слуг, для слуха которых отнюдь не предназначалась пьяная интимность его высочества. Кое-как ему удалось уложить Филиппа. Тогда Арман ушел к себе, обдумывая узнанное. Гму была очень неприятна мысль оказаться причастным к такой опасной интриге. Однако

долго он над этим не раздумывал. Ведь Филипп часто менял решения и легко мог отступить в решительную минуту. А если даже герцог и выкажет упорство в совершении задуманного плана, то кто мешал ему, Гишу, заболеть на обратном пути и таким образом оказаться в стороне от всего? Впрочем, Гиш немало надеялся на то, что вытрезвившись, герцог или сам откажется от своего решения, или склонится на разумные, осторожные доводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.